

ностью. К последним относятся утверждения, что «на ранних ступенях развития человеческого общества (до бронзы) археологическая культура и этнос совпадают» (с. 242) и что тюркские, монгольские и тунгусо-маньчжурские языки дифференцировались из единой алтайской общности (там же). На самом деле первое в высшей степени спорно, а второе по меньшей мере не бесспорно. Кстати, создается впечатление, что ниже на с. 256 Е. И. Деревянко противоречит себе, признавая, «что говорить о генетическом родстве указанных языков не представляется возможным», но на с. 261 вновь читаем о «древней языковой общности для тунгусо-маньчжурской, монгольской и тюркской групп».

Что касается положений автора собственно об этногенезе мохэ, то они представляются вполне весомыми и убедительными, и значительно существеннее, чем можно было бы полагать по скромности заголовка этой главы. Определяя мохэцев как тунгусо-маньчжурский в своей основе этнос, Е. И. Деревянко с полным основанием видит в нем значительный тюркский компонент.

В отношении шивэй мы принимаем концепцию автора о том, что в разных случаях под именем шивэй понимались племена разной этнической принадлежности. Однако нам представляется, что как и в случае с ханниганями в позднейшее время, мы имеем здесь дело с разными уровнями монголизации (у шивэй — киданизации) исходного тунгусо-маньчжурского субстрата.

В целом, несмотря на отмеченную противоречивость отдельных частных положений, книга Е. И. Деревянко, бесспорно, вносит весомый вклад в изучение древней истории народов Сибири и Дальнего Востока и поднимает проблему об этнических взаимосвязях древних и современных тунгусо-маньчжурских народов на новый качественно более высокий уровень.

С. А. Арутюнов

Л. И. Тегако, И. И. Саливон, А. И. Микулич. Биологическое и социальное в формировании антропологических особенностей (по данным исследования населения Поозерья). Минск: Наука и техника, 1981. 286 с.

Рецензируемая книга продолжает серию ведущихся тремя минскими специалистами антропологических исследований населения Белоруссии¹. По комплексности, широте программы, включающей десятки разнообразных признаков и систем, эти монографии, насколько мне известно, не имеют себе равных в нашей литературе.

На этот раз работы велись в самой северной части республики — Поозерье. В 1974—1979 гг. здесь изучено семь сельских и две городские группы общей численностью более 2000 чел.

Книга состоит из четырех глав. В первой из них Л. И. Тегако суммирует физико-географические, археологические, этнографические и антропологические данные о Поозерье и приводит собственные демографические материалы. Они показывают, что если еще недавно сельское население этого района было малоподвижным (радиус брачного круга не превышал 15 км), то в 70-е гг. браки между односельчанами составляли уже менее 10%. Усилению мобильности способствовало создание здесь двух промышленных центров. Ясно, что времени в распоряжении антропологов оставалось мало.

Вторая глава, написанная И. И. Саливон, посвящена соматическим особенностям поозерцев. Межгрупповая дифференциация коренного населения по традиционным расодиагностическим признакам оказалась слабой. Тем не менее автор выделяет здесь два типа. Первый, локализованный в западном Поозерье, находит аналогии среди литовцев и латышей, и, возможно, связан с дославянским населением; второй, тяготеющий к северо-восточному Поозерью, был, по предположению И. И. Саливон, принесен сюда славянами с севера. Различия между изученными районами в степени массивности скелета вызваны, вероятно, иными причинами. Наибольшая массивность отмечена у жителей бассейна Западной Двины — района с максимальным содержанием макро- и микроэлементов в почвах. Попытка И. И. Саливон отнести своеобразное телосложение местных жителей за счет геохимических факторов выглядит вполне убедительной.

Исключительный интерес представляет исследование потомков межнациональных браков (ПМБ) между белорусами, русскими и украинцами. По ряду соматических признаков ПМБ не попадают в промежуток между двумя родительскими группами: они в среднем выше ростом, имеют более грацильное сложение, более круглую форму головы. Изучены не только взрослые ПМБ, но и дети, что позволило проследить возрастную динамику признаков в смешанных группах.

Обнаружены антропологические различия между горожанами и сельскими жителями: у первых более крупные размеры тела; они относительно более длинноноги и узкогруды. И. И. Саливон считает, что причин может быть несколько: акселерация, проявившаяся в более молодом городском контингенте, влияние пищевого режима, условий труда. По расодиагностическим признакам различий между сельским и городским населением практически нет.

В третьей главе Л. И. Тегако приводит собранные ею данные по дерматоглифике и одонтологии поозерцев. Наряду с традиционными изучены и признаки, сравнительно

¹ Саливон И. И., Тегако Л. И., Микулич А. И. Очерки по антропологии Белоруссии. Минск: Наука и техника, 1976; Тегако Л. И., Микулич А. И., Саливон И. И. Антропология Белорусского Полесья. Минск: Наука и техника, 1978.

редко используемые нашими антропологами — гребневой счет, флексорные линии. По ряду признаков население Поозерья неоднородно. Особенно интересны материалы, показывающие, что одонтологическая характеристика некоторых здешних групп обнаруживает аналогии у балтских народов.

Согласно традиции, сложившейся в дерматоглифической и одонтологической литературе, основное внимание уделено признакам, разграничивающим европеоидов и монголоидов (как уже указывалось, при классификации неметисных групп, в частности белорусских, такой подход не вполне оправдан²). На картах, приводимых в книге, закономерности в распределении «западных» и «восточных» признаков заметить не удастся. Различаются ли вообще поозерские группы по общей степени «европеоидности» и «монголоидности»? Для решения этого вопроса обычно подсчитывают коэффициенты межгрупповой корреляции, но в данном случае это нецелесообразно, так как групп, изученных по трем программам (соматологической, одонтологической и дерматоглифической), всего шесть. Я предложил использовать в таких случаях простой и эффективный ранговый критерий Фридмана³, и эта идея нашла поддержку⁴. Если ранжировать шесть районов Поозерья по каждому из 14 независимых расодиагностических признаков⁵ в порядке усиления «монголоидности», то самым «европеоидным» по сумме рангов окажется Поставский район (42,5), самым «монголоидным» — Ушачский (63); однако величина χ^2 совершенно недостоверна — 6,2. И в пределах отдельных систем не обнаруживается межгрупповой связи признаков: соматология — 4,0, одонтология — 5,4, дерматоглифика — 10,5. Районы Поозерья не различаются по соотношению «восточного» и «западного» компонентов!

Л. И. Тегако не ограничивается «расовой» типологией, а обращается к новым, почти неизученным проблемам: в частности, ею зафиксированы одонтологические и дерматоглифические различия между городским и сельским населением, между представителями разных поколений. Поскольку о подверженности этих признаков прямому влиянию среды и возрастной изменчивости говорить не приходится, автор с полным правом предполагает, что здесь в той или иной форме участвовали селективные процессы.

Автор 4-й главы — А. И. Микулич — знакомит нас с разнообразными данными о вариациях биохимических, физиологических и некоторых редко используемых морфологических особенностей (оволошенность пальцев рук, форма мочки уха). Здесь же приводятся сведения о цвете глаз. На основании частот генов семи серологических систем вычислены обобщенные генетические расстояния между группами; полученные результаты отражены на графиках и карте. Наиболее трудно поддается объяснению тот факт, что белорусско-русские ПМБ отличаются самым своеобразным сочетанием генных частот и отнюдь не занимают промежуточного положения между белорусами и русскими. Различия между городским и сельским населением, а также между мужчинами и женщинами по изученным признакам невелики; возрастные различия оказались сильнее. Автор интерпретирует их исключительно с популяционно-генетической точки зрения (неодинаковая жизнестойкость носителей разных фенотипов, миграции). Это, безусловно, верно, когда речь идет о группах крови, но в отношении признаков с явно неполной экспрессивностью наследственных факторов — цвет глаз, форма ушных мочек, оволошенность фаланг (а именно по ним возрастные когорты различаются особенно сильно) естественнее было бы предположить действие обычной возрастной изменчивости.

В тексте этой главы неоднократно встречается утверждение о том, что в результате смешения групп снижается частота рецессивных генов. Однако, как известно, ни изоляция, ни смешение сами по себе не приводят к какому-либо направленному изменению генных частот. При смешении можно ожидать лишь одной общей тенденции: увеличения доли гетерозигот. При этом, если генетическое равновесие еще не установилось, оценки частот рецессивных генов могут оказаться заниженными.

Весьма широкий набор характеристик, включенных в программу, позволяет А. И. Микуличу ставить самые разнообразные вопросы, относящиеся к биологии современного населения. Выяснилось, например, что у большинства поозерцев довольно высокое артериальное давление, что, однако, не приводит к каким-либо осложнениям. Этот факт (и многое другое) открывает путь к пониманию процессов адаптации.

В заключении, написанном всеми тремя авторами, суммируются итоги работы — итоги очень существенные как для исследователей, занимающихся этнической историей Белоруссии (и Восточной Европы в целом), так и для специалистов по биологии человека. Хочется поздравить белорусских коллег с выходом еще одной прекрасной монографии.

А. Г. Козинцев

² *Перевозчиков И. В.* Рец. Антропология Белорусского Полесья.— Вопросы антропологии, в. 64, 1980, с. 134.

³ *Козинцев А. Г.* Концепция общего сходства в антропологии.— В кн.: Современные проблемы и новые методы в антропологии. Л.: Наука, 1980, с. 59, 63.

⁴ *Хитъ Г. Л., Богданова В. И.* Дерматоглифические данные к проблеме происхождения тувинцев.— В кн.: Вопросы сравнительной этнографии и антропологии калмыков. Элиста, 1980, с. 70—72. Высказываемое авторами статьи мнение о недостаточной эффективности опровергается экспериментальными данными М. Фридмана.

⁵ Рост бороды, выступание скулы, высота переносья, складка верхнего века; лопа-тообразность медиальных резцов, бугорок Карабелли, дистальный гребень тригониды, шестибугорковые первые нижние моляры, четырехбугорковые вторые нижние моляры; дельтовый индекс, индекс Камминса, карпальный трирадиус, добавочные межпальцевые трирадиусы, узорность гипотенара. По соматическим и дерматоглифическим признакам взяты данные о мужчинах, по одонтологическим — об обоих полах суммарно.